

Классическое и неклассическое Просвещение: И. Кант и М. Мамардашвили

Научный руководитель – Ростова Наталья Николаевна

Ларин Семён Владиславович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра философской антропологии, Москва, Россия

E-mail: larinsemen@yandex.ru

Зачастую именно философия И. Канта считается отправной точкой для современной мысли. По мнению М. Фуко, «современная философия — это та философия, которая пытается ответить на вопрос, опрометчиво подброшенный ей еще два столетия тому назад: “Что такое Просвещение?”» [5, с. 335]. Это вопрос ставится Кантом в небольшой статье 1784 года «Ответ на вопрос: что такое просвещение?», которая была опубликована в немецкой газете «*Berlinische Monatschrift*». Ответ на поставленный вопрос даёт Кантом с первых строк: «Просвещение – это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине» [1, с. 29].

Стоит отметить небольшую деталь, касающуюся этих двух статей. Фуко использует слово «Просвещение» с большой буквы, Кант же пишет его с маленькой. Этот незначительный момент сигнализирует нам о том, что за две сотни, разделяющие эти статьи, Просвещение стало больше, чем идейным течением XVIII века или процессом образования: XX век мыслит Просвещение как глобальный проект, ставящий вопрос о сути философии. Во многом именно об этом и говорит Фуко.

Кант раскрывает своё понимание просвещения, говоря, что «несовершеннолетие – это неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-другого» [1, с. 29]. Неспособность эта связана не с недостатком разума, а с «леностью и трусостью». Боясь пользоваться своим разумом, человек как бы расщепляется. Свой процесс мышления он отдаёт книге, которая мыслит за него, его собственная совесть заменяется совестью пастыря, а выбор образа жизни за человека осуществляется врачом.

Наиболее важное условие для реализации Просвещения – наличие свободы: «Но более возможно и почти неизбежно, что публика сама себя просветит, если только предоставить ей свободу» [1, с. 30]. Благо самостоятельного мышления не может насильственно насаждаться сверху, потому что так, во-первых, не будет свободы, а во-вторых потому, что Просвещение станет попыткой революционным путём принести мысль, в то время как истинное Просвещение с необходимостью должно происходить постепенно, эволюционно.

Свобода необходима для того, чтобы была возможность «публично пользоваться своим разумом» [1, с. 31]. Сферы публичного и частного разделяются Кантом следующим образом. Частное применение разума – это его использование в рамках какой-либо общественной функции, которую исполняет человек. Публичное же использование разума – это его осуществление кем-то «как учёным перед всей читающей публикой» [1, с. 31]. Кант приводит несколько примеров: офицер, получив приказ, должен его выполнить, однако он сохраняет право делать замечания об ошибках в службе; гражданин обязан платить налоги, но он может рассуждать о несовершенстве налоговой системы; священник должен читать свои проповеди «согласно символу церкви», но вне службы он может делиться своими соображениями о церкви с публикой.

Для всей философии Канта важна категория долга. И мы видим, что он не отбрасывает её и говоря о Просвещении: у человека есть определённый гражданский долг, который

ему следует выполнять: офицер подчиняется приказу, священник читает проповедь, гражданин платит налоги. Но «человек есть нечто большее, чем машина» [3, с. 37]. Поэтому ему следует не только выполнять свои общественные функции, но и критически их осмысливать.

В отношении Просвещения Кант оптимистичен – он верит, что препятствий для Просвещения становится всё меньше, и несмотря на то, что, как говорит Кант, мы ещё не живём в просвещённый век, а лишь «в век просвещения», идеал просвещённого разума может быть достигнут.

Фуко, трактуя концепт Просвещения у Канта, утверждает, что в кантианской версии Просвещение – это совершенно новый способ мыслить современность. Во-первых, до Канта одним из вариантов мыслить современность был понимание её как очередной эпохи, встроенное в ряд других эпох, и отличающейся от них рядом каких-либо характеристик. Второй вариант – «вопрошать настоящее, чтобы пытаться распознавать в нем знаки-провозвестники какого-то грядущего события» [4, с. 337]. И третий способ – понимать современность как стоящую на пороге какого-то будущего события. И Фуко утверждает, что Кант предлагает новый вариант понимания современности: «Ни о какой мировой эпохе, к которой мы принадлежим, ни о каком-либо событии, знаменья которого мы предугадываем, ни о какой заре конечного свершения и речи нет. Кант определяет Просвещение почти целиком отрицательным образом» [5, с. 337]. Под определением отрицательным образом Фуко имеет в виду то, что Просвещение – это прежде всего «выход», «исход» из состояния совершеннолетия.

И здесь мы сталкиваемся с излюбленной темой позднего Фуко – конструированием собственной субъективности. По Фуко, современность, заданная Просвещением, «понуждает к выработке самого себя» [4, с. 348]. Принять ответственность за использование собственного разума – это значит осознать себя как способного мыслить самостоятельно и быть достаточно мужественным, чтобы начать это делать. Таким образом, осознавая себя как в некотором смысле недостаточного, субъект может спроектировать самого себя, сконструировать мысленный образ собственной субъективности, к которому он будет стремиться, становясь «предпринимателем самого себя», согласно терминологии позднего Фуко. И просвещенческий проект уже оказывается проектом антропологическим, проектом воссоздания определённого типа субъективности. В то же время для философии Просвещение – это способ осознать собственные границы познания с тем, чтобы впоследствии иметь возможность их преодолеть.

Кантианское понимание просвещения было воспринято не только европейской философией, но и отечественной. В частности, влияние Канта можно проследить в так называемой «Тройственной статье» – статье 1970 г., написанной М. К. Мамардашвили в соавторстве с Э. Ю. Соловьёвым и В. С. Швырёвым, под названием «Классическая и современная буржуазная философия (опыт эпистемологического сопоставления)». Именно с этой статьи в советской традиции появляется деление философии на классическую и неклассическую (сегодня к ним добавляют следующую ступень – постнеклассическую), которое сегодня стало общим местом.

В этой статье, помимо прочего, говорится и о проекте Просвещения, которое тоже в свою очередь делится на классику и неклассику. Классическое Просвещение (классическая философия) критикуется за попытку «мыслить за другого» [3, с. 212]. Ситуацию несамостоятельного мышления критиковал и Кант, когда он говорил, что большинство людей предпочтут самостоятельному мышлению книгу, которая мыслила бы за них. «Массовый контрагент», к которому обращаются философы, которых авторы относят к классике, мыслится как несамостоятельный, как тот, кому необходимо принести свет истины, добытой кем-то другим. Такова схема классического Просвещения. Кант же, хотя он и назы-

вается в числе классических философов, совершает своеобразный «коперниканский переворот» в концептуализации Просвещения. Кант становится предвестником Просвещения неклассического, которое уже понимает, что разум не является абсолютно прозрачным, что мир наполнен ноуменами и что истину невозможно передать с помощью проповеди.

Один из авторов «Тройственной статьи», В. С. Швырёв, утверждает, что Канта «следует рассматривать как предтечу современной неклассической рациональности» [4, с. 279]. Как пишет Ю. В. Пущаев в своей монографии, посвящённой Мамардашвили и Ильенкову, «Кант первый делает ставку на возможность личной разумной и нравственной жизни, несмотря на непознаваемость мира как он есть в целом» [4, с. 280]. Такая установка, с одной стороны отказывающаяся от абсолютной познаваемости мира, а с другой – постулирующая человеческую жизнь «на разумных началах», – и есть «неклассичность» современной философии.

Авторы «Тройственной статьи», критикуя классическое Просвещение за излишнюю рационализацию и веру в разум, не отбрасывают концепт Просвещения совсем. Иррационализм и мистицизм также ими критикуются. Их интенция – «спасти Просвещение на новых, неклассических путях» [4, с. 281].

Для Мамардашвили спасение Просвещения оказывается ещё более значимым, чем для Фуко. Э. Ю. Соловьёв утверждал, что философию Мамардашвили можно назвать «экзистенциальной сотериологией». Один из важных мотивов философии Мамардашвили – это спасение от неподлинного бытия, которое буквально называлось «смерть при жизни». И спасение от нахождения в мёртвом состоянии Мамардашвили видит именно философии, состоянии самостоятельного мышления.

Кажется достаточно ясным, что, помимо прочих концептов Канта, его идея Просвещения как выхода из состояния несовершеннолетия оказалась крайне актуальной как для советской (а впоследствии и российской), так и для европейской философии XX века. В статье Фуко был предложен взгляд на Просвещение, отличавшийся от взгляда М. Хоркхаймера и Т. Адорно, изложенного в их книге «Диалектика просвещения». Эти работы разделяет почти четыре десятилетия, что явно свидетельствует о том, что проект Просвещения не был полностью отброшен и забыт после его критики Хоркхаймером и Адорно. Возможно, что их работа лишь стимулировала дополнительные дискуссии на эту тему. В любом случае и у Мамардашвили, и у Фуко, и у Хоркхаймера с Адорно проблема Просвещения оказывается чрезвычайно актуальной. И этом мы видим влияние именно Канта. Кант, безусловно, был не единственным философом Просвещения, но Кант положил начало новому взгляду на Просвещение, который во многом совпадает и с критикой Мамардашвили, и с критикой Хоркхаймера и Адорно: порицая пассивность, эти философы призывают к автономному мышлению, которое становится принципиальной антропологической характеристикой.

Источники и литература

- 1) Кант, Иммануил. Собр.соч. в 8 тт. М.: Чоро, 1994. Т. 8.
- 2) Мамардашвили М. К. Кантианские вариации. – М.: «Аграф», 2002.
- 3) Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010.
- 4) Пущаев Ю. В. Философия советского времени: М. Мамардашвили и Э. Ильенков (энергии отталкивания и притяжения): Монография / РАН. ИНИОН. – М., 2018.
- 5) Фуко Мишель. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2002.